

Все её мысли были заняты книжным магазином, который должен был стать либо денежной жилой семьи Цуй, либо трамплином для продвижения по службе Цуй Цюэ. Она даже не замечала окружавших её невежественных наложниц. Нетерпеливо оттолкнув их, она спотыкающейся поступью вернулась в свои покои и, стиснув зубы, приказала слугам:

— Поди прочь и вели вытащить этого пса Цуй Ляна, смеявшегося обманывать хозяев, и всыпать ему сотню палок! А потом отправь письмо в мой родительский дом... Хозяина обижают у всех на глазах, а он и слова сказать не смеет, слуги же дерзают дурачить меня, хозяйку дома! Нет у меня больше сил терпеть эту жизнь!

Окончательное решение Министерства чинов о продвижении по службе так и не принесло начальнику уезда Ци перевода в столицу: его лишь перевели из нижнего уезда в верхний, назначив начальником уезда Лини в провинции Шаньдун.

В конце второго месяца, когда список кандидатов был составлен, его представил на высочайшее усмотрение глава Министерства чинов командующий Вань. Вань Ань, не увидев среди них имя Цуй Цюэ, не придавал этому особого значения. Он даже не знал, что Цуй Цюэ взял несколько дней отпуска по болезни. Вернувшись к себе, он лишь велел дворецкому отправить человека в семью Цуй, чтобы передать, что в этот раз его кандидатура не прошла и придется ждать продвижения через месяц.

Цуй Цюэ заболел так сильно, что щеки его впали, а кожа от лица до самой груди пошла красными пятнами. Однако ему пришлось пересиливать себя, чтобы принять посланца из дома командующего Ваня. Услышав известие, он снова вспыхнул от гнева, а вернувшись в спальню, больше уже не смог подняться с постели. Госпожа Сюй даже не пришла ухаживать за больным мужем, оставив его на попечение молоденьких наложниц и детей от наложниц, которые обычно и близко не смели подойти к господину, а теперь выслуживались перед его ложем.

Первоначально он ничего не замечал, но проведя в постели два-три дня и уже почти поправившись, так и не увидел рядом ни любимой жены, ни законного сына, отчего на душе у него стало беспокойно. Наконец он спросил у сидевшей подле него наложницы:

— Почему нет госпожи Сюй? И где Хэн-гэ?

Наложница кротко ответила:

— Вскоре после того, как господин занемог, госпожа Сюй съездила в родной дом. С тех пор она постоянно ссылается на дела и запрещает нам её беспокоить. А второму молодому господину нужно учиться, у него нет времени приходить.

Цуй Цюэ, страдавший от расстройства печени и подверженный частым сменам настроения, услышав это, пришел в неистовое бешенство:

— Что в этом доме может быть важнее меня, хозяина?! Я в ямене каждый день тружусь до третьей стражи, а возвращаясь, успеваю прислуживать родителям! Неужели женщина из внутренних покоев и ребенок-ученик не могут прислужить мне?! Старший изверг сидит за тысячи ли отсюда, и я не могу до него дотянуться, так неужели я не указ тем, кто прямо перед глазами?! Поди вели сказать от моего имени: пусть госпожа Сюй и второй сын немедленно явятся ухаживать за мной!

В груди у него вспыхнуло пламя гнева — да так, что он не мог усидеть на месте и метался по комнате в ожидании жены и сына. Однако спустя долгое время пришла одна лишь госпожа Сюй, а сын так и не появился.

Он уже собирался обрушить на неё свой гнев, как госпожа Сюй вдруг холодно усмехнулась:

— Я не приходила ухаживать за тобой и не сравнюсь в угодничестве с твоими наложницами, но зато я вырываю с корнем причину твоих душевных терзаний! Или тебе по душе смотреть, как этот начальник уезда выслуживает себе повышение за счет книжного магазина нашей семьи?

Цуй Цюэ опешил и понизил голос:

— О чем ты говоришь?

Госпожа Сюй неспешно произнесла:

— Уезд Цяньань обманом выманил имущество у ребенка, у Се-гэ, чтобы приписать себе заслуги по службе! Это же полное бессмыслие и несправедливость! Если господин может это терпеть, то я, хоть и женщина, терпеть не намерена. Неужели в Поднебесной Великой Мин, под ясным небом, некому призвать его к ответу? Се-гэ в прошлом году исполнилось всего пятнадцать — он несовершеннолетний ребенок! Как он мог пожертвовать чужим людям семейную собственность? Даже если он сам так решил, пока его отец и мать живы, он не имел права распоряжаться имуществом!

В голове Цуй Цюэ мгновенно пронеслась догадка о том, что она затеяла, и с покрасневшим лицом он спросил:

— Что ты натворила?! Ты что же, вздумала заявить, будто мы больше не жертвуем эту библиотеку и хотим вернуть её обратно?! О сумасбродная, невежественная женщина... Ведь она отдана не уезду Цяньань, а самому двору! И проходила через руки самого командующего Ваня!

Госпожа Сюй опустила голову и холодно усмехнулась. А когда снова подняла взгляд, на её лице опять играло добродетельное и кроткое выражение:

— Я ведь тоже дочь из чиновного семейства, разве стану я, подобно базарной торговке, устраивать скандалы из-за имущества? Мне не нужно это владение! Я лишь хочу, чтобы все узнали: уезд Цяньань отнял у нашей семьи усадьбу ради собственной славы и почета. И когда его не станет, при упоминании библиотеки люди разве не вспомнят, что это семья Цуй Цюэ пожертвовала собственность ради просвещения народа?

Цуй Цюэ так разгневался, что его побагровевшее лицо пожелтело. Он с яростью воскликнул:

— Когда тебе следовало вмешаться, ты пальцем не пошевелила, позволив ему отдавать библиотеку чужим людям! А теперь устроила вот это... Разве могу я из-за какой-то усадьбы подавать жалобу на правителя родного края?! Этому позору не будет конца!

В глазах госпожи Сюй мелькнул свирепый блеск, но заговорила она сдержанно и равнодушно:

— К чему беспокоить господина? Я бы не дерзнула отвлекать драгоценное здоровье господина ради такого дела. Я уже велела людям подкинуть анонимную жалобу цензорам о том, как уезд Цяньань обманом выманил купчие у несмышленного ребенка. Теперь этим делом займутся цензоры, а виновен он или нет — к господину не имеет никакого отношения.

=====

Вскоре после того, как Министерство чинов огласило новый список кандидатов на повышение,

один из цензоров подал доклад по слухам, дошедшим до него. Он выступил с импичментом против начальника уезда Ци, обвинив того в том, что тот обманом отнял имущество у проживающего в его уезде несовершеннолетнего юноши Цуй Се и возвел библиотеку, чтобы выслужиться и обеспечить себе продвижение по службе. В докладе утверждалось, что Цуй Се ещё не достиг совершеннолетия, и хотя жил в Цяньани, на самом деле лишь временно покинул дом ради сдачи экзаменов и не отделялся от семьи, а значит, купчие на недвижимость должны принадлежать его родителям. Таким образом, согласно «Законам Великой Мин», а именно статье «О запрете младшим и зависимым родственникам, проживающим совместно, распоряжаться семейным имуществом без разрешения старших», Цуй Се не имел права единолично распоряжаться усадьбой, а уезд Цяньань не должен был принимать от несовершеннолетнего ребенка столь ценное пожертвование, не спросив согласия его родителей.

Заодно цензор обвинил Министерство чинов в халатности при проведении аттестации, а Юнпинскую управу — в неосмотрительности при составлении характеристик, из-за чего подобный человек получил повышение, и просил императора Хунчжи вынести наказание всем трем сторонам.

Пока цензор красноречиво излагал свое прошение при дворе, Сын Неба Чэнхуа отдал лишь краткий ответ из трех слов: «Нам стало известно» — и повелел инспектирующему цензору вместе с Цзиньивэй отправиться в Цяньань для расследования этого дела.

Цуй Цюэ, как главу семейства, также привлекали к расследованию: его вызвали в Дучаюань и допросили о том, почему Цуй Се, несовершеннолетний ребенок, один проживает в Цяньани да ещё и имеет на руках купчие на семейную усадьбу. В этот раз мысли отца и сына впервые совпали: Цуй Цюэ тоже находил слухи об изгнании законного старшего сына весьма неприглядными, а потому заявил:

— Мой младший сын с детства прилежен в учебе, и в таком возрасте ему как раз пора участвовать в экзаменах. Вот я и отправил его на родину сдавать экзамены. Что же до купчих, то моя матушка так души не чаёт во внуке, что непременно пожелала сунуть их ему для уверенности.

Правый старший цензор Ли Юй с тех пор, как книга Цуй Се «Парные изречения из Четверокнижия» была передана Чжан Пэном в школу воинского искусства, подозревал отца и сына Цуй в гонке за дешевой славой. Однако Чжан Пэн опекал Цуй Се, а сам Ли Юй не любил наговаривать на ребенка, поэтому до сих пор сдерживал себя и молчал. Теперь же, когда семья Цуй оказалась в центре глупой истории с якобы похищенным для библиотеки имуществом, он не удержался и заметил Гэн Юю:

— Цуй Цюэ жаждет славы, но не способен пожертвовать малым ради большего. Не из тех он людей, кому можно доверить великие дела.

Поскольку начальник уезда Ци подвергся импичменту, Гэн Юй, порекомендовавший его на должность, чувствовал себя нелучшим образом. Сдержанно хмыкнув, он поинтересовался у господина Ли о подробностях дела против начальника уезда Цяньань: хотя цензорам и дозволено подавать доклады по слухам, обычно подобные слухи не касаются уездных начальников. К тому же со времени большого учета прошло больше месяца. Если у них действительно имелись доказательства его вины, отчего же они молчали во время проверки?

Ли Юй ответил:

— Кто-то тайком подбросил анонимные прошения цензорам инспекционных округов Хэнани, Шаньдуна и Шаньси. Всё-таки дело затрагивает придворного сановника и касается чиновника, свежепредставленного Министерством чинов к повышению. Они не могли оставить это совсем без внимания.

Впрочем, раз уж к расследованию подключился Цзиньивэй, инспектирующий цензор из Дучаюань, скорее всего, окажется лишь формальной фигурой. Остается надеяться, что Цзиньивэй не отправят слишком алчного и жестокого человека, иначе начальнику уезда Ци...

Перед глазами Гэн Юя всплыл худощавый образ человека, пекущегося о государстве и народе, изображенный на обложке «Собрания сочинений почтенного Ци Чжияюаня», и он покачал головой.

Если в министерстве и палате интересовались этим делом, то Цзиньивэй — и подавно, ведь им предстояло отправить людей для расследования на место. Дело попало в Северную Чжэньфусы. Когда командующий Чжу Ци собрался отрядить человека, Се Ин сам выступил вперед и предложил:

— Я бывал в Цяньани и лично знаком с сыном Цуй Цюэ. Дозвольте мне взять это дело на себя.

Чжу Ци хлопнул в ладоши:

— Я как раз хотел вызвать тебя! Ты в последние дни безвылазно сидишь за книгами, того и гляди превратишься в книжного червя. Тебе и впрямь пора размяться... Надеюсь, ты отправляешься туда не только потому, что в Цяньани открылась библиотека, и ты желаешь почитать книжки?

Цяньху Лу Си ухмыльнулся:

— Так это не просто библиотека, а бывший будуар красавицы Цуй! Я и сам думал взглянуть на место, где жила красавица Цуй, но раз уж брат Се желает провести старого знакомого, пусть едет он.

Другой цяньху, Яо Фуюань, высказался:

— Ну и ладно. Слышал я, что место, где жила красавица Цуй, перестроили под книжный терем, убрав оттуда всё убранство дочиста, так что смотреть там не на что. Брат Се, когда будешь там, заодно взгляни для меня: действительно ли библиотека внутри точно такая же, как на обложке «Собрания сочинений почтенного Ци Чжияюаня»?

<http://bllate.org/book/18372/1761319>